

УДК 343.98

А.С. Князьков

ЛИНИЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК ТАКТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Анализу подвергается понятие «линия поведения», рассматриваемая в криминалистической литературе как разновидность тактического приема. Отмечается обеспокоенность критики данного понятия, приводятся дополнительные аргументы, подтверждающие спорность определения линии поведения как тактического приема. Предлагается использовать указанное понятие для характеристики стратегии предварительного расследования.

Ключевые слова: тактический прием, тактическая комбинация, тактическая операция, поведение, линия поведения, направление расследования, следственная ситуация.

Понятие «линия поведения», характеризующее тактическую деятельность субъекта предварительного расследования, государственного обвинителя и судьи, в криминалистической литературе оценивается неоднозначно. В некоторой мере это связано с различным пониманием сущности, признаков и видов тактического приема.

Чаще всего термин «линия поведения» употребляют авторы, относящие к тактическому приему отдельные уголовно-процессуальные правила; при этом «линия поведения» наряду со способом действия рассматривается ими как разновидность тактического приема [1. С. 45; 2. С. 29; 3. С. 200-201; 4. С. 19]. Однако можно найти примеры, когда и сторонники рассмотрения тактического приема как *научной рекомендации* видят в нем оптимальный способ действия или целесообразную *линию поведения* [5. С. 421]. Отсюда становится ясным, что критика необоснованности оперирования указанным термином не связывается ни с пониманием тактического приема как формы рационального поведения, ни с пониманием его как научной рекомендации.

Наиболее критическое суждение принадлежит В.И. Шиканову, заметившему, что рассмотрение в качестве тактического приема линии поведения (помимо способа действия) «...раскрыло шлюзы, через которые хлынул поток измышлений, относящих к тактическим приемам не только поведенческие акты в сфере субъект-субъектных отношений, но и субъект-объектных отношений» [6. С. 117–118], т.е. тактические приемы исследования материальной обстановки. Разъясняя свою позицию, В.И. Шиканов пишет, что предлагаемое Р.С. Белкиным и другими авторами понятие тактического приема как линии поведения является неопределенным, размытым, а следовательно, и некорректным с точки зрения науки [7. С. 57–58]. При этом В.И. Шиканов видит в определении тактического приема как способа действия и линии поведения фактическое уравнивание двух разноплановых понятий, а именно: «тактический прием» и «тактика», которая, помимо тактических приемов, охватывает собой и другие классы, виды и подвиды приемов,

находящихся в арсенале следователя: различного рода технические приемы – организационные, логические и т. д. [6. С. 117].

Не давая оценки высказыванию В.И. Шиканова, попробуем исследовать позицию Р.С. Белкина и его сторонников с помощью метода анализа, заключающегося в сравнении взглядов определенного автора, с одной стороны, на криминалистическую тактику как раздел науки, с другой – на тактический прием как ее «ядро». Рассматривая тактический прием как рациональный способ действия или такую же линию поведения [8. С. 5], Р.С. Белкин при этом так определяет криминалистическую тактику: «Криминалистическая тактика – это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения следственных и судебных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений» [9. С. 71]. Незначительные терминологические отличия можно обнаружить в определении криминалистической тактики, даваемом названным ученым и в последующем [1. С. 453; 10. С. 102]. Однако главное состоит в том, что в приведенном выше определении тактики как раздела криминалистической науки понятие «линия поведения» не поглощается понятием «тактический прием», а существует наравне с ним. Нельзя не заметить и другое – в этом определении «линия поведения» не связывается с производством следственных действий: следственные, в том числе судебно-следственные, действия опосредуют лишь приемы (способы действия).

Магия термина «линия поведения» приводит отдельных авторов к очевидному логическому противоречию. Так, например, О.А. Крестовников, говоря о многообразии определений криминалистической тактики¹, замечает, что «...недостатками определений тактики как оптимальной *линии поведения* лиц, осуществляющих расследование, и «главного организующего начала в системе методов и средств криминалистики» состоит в том, что такое определение отождествляет тактику с криминалистической деятельностью в целом, что неизбежно затрудняет ее разграничение с криминалистической методикой, а также определение ее места в системе криминалистики» [12. С. 449].

Формулируя затем понятие тактического приема, указанный автор пишет, что он представляет собой наиболее рациональный и эффективный способ действия или наиболее *целесообразную линию поведения* при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств и предотвращении преступлений [13. С. 465]. Позже О.А. Крестовников корректирует определение тактического приема, представив его как «способ организации взаимодействия и линию поведения осуществляющего расследование лица, наиболее эффективно обеспечивающие решение задач, связанных с расследованием преступлений» [13. С. 468]. Очевидно, что способ осуществления самого взаи-

¹ Сам О.А. Крестовников, на наш взгляд, дает весьма упрощенное понятие данного раздела криминалистики, полагая, что «криминалистическая тактика – приемы воздействия участников расследования в типовых ситуациях принятия решения» [11. С. 482].

модействия не есть то же, что и способ организации взаимодействия; последний, по сути, получает неконкретное выражение и может рассматриваться как некая линия поведения.

Наоборот, иногда можно увидеть в определении криминалистической тактики указание лишь на оптимальную линию поведения, выступающую ее конструктивным началом, но при раскрытии содержания отдельной части, например тактики судебного следствия, в качестве вырабатываемых наукой рекомендаций называются рекомендации о выборе как тактического приема, так и линии поведения соответствующего субъекта [14. С. 332]. Здесь, как видно, тактический прием не объемлет своим содержанием «линию поведения» и существует наравне с ней.

Главное заключается в том, что в специальной литературе отсутствует аргументация в пользу рассмотрения линии поведения как тактического приема; такое положение уже само по себе делает эту позицию уязвимой для критики. Проявляется это в том, что сторонники данной точки зрения не дают определения рассматриваемого понятия; соответственно, не раскрывают содержание «линии поведения» как формы тактического приема и не показывают ее отличия от другой формы – способа поведения (действия) [1. С. 619; 13. С. 465–470; 15. С. 84; 16. С. 393; 17. С. 443–456]. Не ставится на обсуждение ряд других вопросов, логически вытекающих из понимания линии поведения как тактического приема¹. К ним можно отнести следующие: какими средствами, кроме способа действия следователя, реализуется линия его поведения? как соотносится понятие «линия поведения» с понятием «тактическое решение», предполагающее его реализацию с помощью определенных способов действия? в какой мере линия поведения отличается от направления расследования, получающего свое отражение в тактике отдельного следственного действия, тактической комбинации (операции)? чем линия поведения отличается от тактической комбинации (операции)?

Соответственно, отсутствуют размышления и об этичности линии поведения следователя, что, думается, не является случайным². Дело в том, что само понятие «линия поведения» указывает на некоторую совокупность поведенческих актов, в отличие от способа поведения (действия), который выступает как отдельный, дискретный поведенческий акт; отсюда закономерным будет вопрос: что делает линию поведения в целом неэтичной? Аналогичным образом можно задать вопрос: что делает «линию поведения» незаконной и ненаучной: длящееся явление в его исчерпывающем проявлении или некая его часть? Рядом стоит вопрос о допустимости доказательства, полученного в результате следования неэтичной (незаконной, ненаучной) «линии поведения», а именно: будет ли признаваться доказательство допустимым, если оно получено в начале реализации «линии поведения», которая в другой его части была признана незаконной (ненаучной, неэтичной).

¹ Например, Н.Г. Шурухов, различающий тактический прием и линию поведения, дает характеристику только тактическому приему; отсутствуют рассуждения о линии поведения и в контексте рассмотрения вопросов о тактико-криминалистической рекомендации [18. С. 257–268].

² А.Г. Филиппов, различая тактико-криминалистические приемы и тактико-криминалистические рекомендации, говорит лишь о требованиях, предъявляемых к приемам [19. С. 197–198].

Такое большое количество вопросов, логически вытекающих из тактической природы линии поведения, на которые отсутствуют ответы, несмотря на длительность употребления этого понятия, свидетельствует о многом.

Крайне редки случаи, когда о линии поведения говорят в том или ином контексте, не позволяющем, впрочем, судить о понятии, сущности и признаках данного феномена. Так, например, отмечается, что «...соблюдение этических норм при исследовании доказательств в суде...представляет собой определенный способ построения межличностных взаимоотношений, выбор определенной линии поведения в ходе судебного разбирательства» [20. С. 293]. Можно предположить, что выбранная линия поведения здесь получает свое выражение в следовании правовым положениям, закрепляющим нравственные начала уголовного судопроизводства. Между тем ясно, что у субъекта уголовно-процессуального доказывания нет альтернативы, поскольку его действия должны быть только нравственными. Говоря о конфликтной ситуации допроса, О.М. Ушаков считает, что в таких случаях «...важное значение имеет установление психологического контакта с допрашиваемым, как *линии поведения следователя*» [21. С. 76]. Однако установление психологического контакта – важнейшее условие успешной деятельности следователя, не оставляющее ему выбора, а именно: устанавливать либо не устанавливать такой контакт. О некоей линии поведения он упоминает в связи с названием контрольной тактической комбинации, позволяющей следователю «...выяснить правильность линии своего поведения на допросе» [21. С. 126].

В доступной нам специальной литературе мы нашли одно определение *поведения* участника уголовного судопроизводства: «Под поведением участника уголовного процесса в рамках криминалистической тактики следует понимать комплекс интеллектуальных и биологических телесных проявлений личности, формирующийся и проявляющийся при проведении следственных и судебных действий» [22. С. 34]. Чаще всего в энциклопедиях поведение определяется как система взаимосвязанных действий, осуществляемых субъектом с целью реализации определенной функции и требующих его взаимодействия со средой [23. С. 70].

И в том и в другом определении поведения фактически речь идет о комплексе, совокупности действий. Термин «линия поведения» еще в большей мере указывает на неопределенную по времени активность того или иного субъекта криминалистической деятельности.

В отдельных работах можно встретить указание на два вида «линии поведения»: одна из них реализуется в ходе следственного действия, другая – в ходе предварительного расследования как стадии уголовного процесса [24. С. 8], причем содержание этих понятий не раскрывается.

Можно допустить, что «линия поведения» как тактический прием употребляется сторонниками рассматриваемого подхода в качестве синонима тактической комбинации (операции). Однако это не так: и Р.С. Белкин, и другие авторы различают указанные понятия, и это нужно учитывать при оценке рассматриваемого подхода. При этом демаркация линии поведения как формы тактического приема и тактической комбинации, на наш взгляд, недостаточно аргументирована. Так, например, О.В. Полстовалов, определяя тактический прием, пишет, что им является «...способ действия (бездействия),

система действий и (или) комбинация действий, т.е. линия поведения лица, осуществляющего доказывание» [25. С. 118]. Даваемое затем им уточнение, касающееся различения тактического приема в качестве просто действия, в форме системы действий и в виде комбинации действий (т.е. линии поведения) сводится к тому, что такое разделение есть всего лишь определенное допущение, «...поскольку следует различать сложные тактические приемы («косвенный допрос», «перефразы» и пр.), которые невозможно представить в форме отдельного поведенческого акта, и тактические комбинации, т.е. система тактических приемов, решающих более сложные задачи» [25. С. 118]. Следует заметить, что в автореферате диссертационного исследования указанный автор отказывается от такой сложной конструкции тактико-криминалистического приема, замечая, что им является способ осознанного поведения лица, осуществляющего доказывание [26. С. 10].

Анализ работ, авторы которых понятие «линия поведения» увязывают с предметной областью криминалистической тактики, а не методики, позволяет прийти к выводу о его особой многофакторности, затрудняющей подчас строгое различение тактико-криминалистических средств. В качестве еще одного примера можно привести высказывание А.В. Шмониной, который рассматривает тактический прием как «...оптимальный единичный акт способа действия и/или линию поведения органа расследования и/или должностных лиц по его поручению...и/или их комплексов, направленных на решение задач предварительного расследования (выделено мною. – А.К.) либо обеспечивающих последние» [27. С. 336], а затем, давая определение тактической комбинации, видит в ней также *комплекс тактических приемов, направленных на разрешение задач предварительного расследования* [27. С. 344].

В отдельных работах можно встретить критику неточности трактовки тактического приема как «линии поведения». Суть ее сводится к тому, что «...тактический прием намечает линию поведения, помогает концентрации умственной деятельности следователя в необходимых основных направлениях. Действует же, осуществляет «наиболее целесообразную линию поведения» на основе тактических приемов следователь...» [28. С. 16]. При всей значимости такой критики в скорректированном подходе отсутствует указание на место понятия «линия поведения» в криминалистической систематике, его категориальном аппарате. Кроме того, по мысли указанного автора, направление расследования определяет не следственная ситуация, вызывающая необходимость принятия соответствующего тактического решения, вызывающего необходимость применения тактических приемов, а сами тактические приемы, что, на наш взгляд, является спорным.

В доступной нам литературе отсутствуют рассуждения о выборе линии поведения следователя при производстве осмотра места происшествия, проверки показаний на месте, следственного эксперимента, опознания и т.п. Очевидно, это связано с тем, что существует однозначно выраженное согласие лица участвовать в названных следственных действиях; тогда же, когда имеется несогласие, например при освидетельствовании, оно не влияет на результат, поскольку такое действие может быть выполнено принудительно. Напротив, когда анализируются тактические положения очной ставки и осо-

бенно – допроса, термин «линия поведения» используется довольно часто [1. С. 619].

Фактически «линия поведения» есть некий общий тактический ориентир, своего рода предпосылка выбора тактических приемов, которая задается позицией допрашиваемого лица. Ее содержательное начало может быть охарактеризовано путем указания на частную криминалистическую цель допроса, например оказание помощи лицу, желающему дать полные и непротиворечивые показания, изобличение допрашиваемого во лжи, склонение его к даче правдивых показаний [29. С. 583]. Правильность этого вывода подкрепляется имеющимися работами, в которых линия поведения отождествляется со следственными ситуациями поведения допрашиваемого на допросе [30. С. 15–16]. Можно, на наш взгляд, утверждать, что модель поведения обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля на предварительном расследовании находит свое наиболее яркое выражение в модели его поведения на допросе; более того, последняя определяет модель поведения названных участников уголовного процесса в ходе производства некоторых других следственных действий с их участием (следственный эксперимент, проверка показаний на месте, очная ставка, опознание).

Одним из редких случаев, когда раскрывается содержание криминалистического понятия «линия поведения», является указание на то, что ею являются целесообразные в конкретных условиях расследования «...эмоциональный настрой, актуализация внимания допрашиваемого лица и др.» [31. С. 21].

Представляется, что отнесение к тактическому приему наряду с оптимальным способом действия также и линии поведения следователя продиктовано во многом тем, что сторонники такого определения тактического приема причисляют к нему и отдельные уголовно-процессуальные правила, которые содержательно представлены рядом действий [20. С. 297]. Неслучайно сторонники анализируемой позиции выделяют *процессуальные* тактические комплексы, относя к ним так называемые процессуальные приемы, а также следственные действия [27. С. 347]. Разумеется, закрепленный в законе порядок действий при производстве, например, опознания легко может быть представлен в виде процессуальной линии поведения, которой должен следовать властный субъект уголовного судопроизводства в силу императивных положений ст. 193 УПК РФ. Однако этого недостаточно для того, чтобы считать эти (равно как и другие содержащиеся в УПК РФ) правила тактическим приемом: каким-либо тактическим потенциалом воздействия на опознающего и опознаваемое лицо, получающим выражение в актуализации памяти, укреплении волевых качеств и т.п., такие действия не обладают.

На наш взгляд, этот термин характеризует тактический прием с позиции генерализированной тактической задачи, смыкающейся с задачей предварительного расследования в целом, которая иногда именуется стратегической задачей¹; фактически понятие «линия поведения» является синонимом понятия «стратегия поведения» субъекта доказывания. Правильной представляется позиция тех авторов, которые при определении

¹ В русско-английском словаре «линия поведения» означает «strategy», т.е. стратегия» [32].

тактического приема ограничиваются указанием на способ действия соответствующих субъектов, таких как лицо, осуществляющее расследование, а также государственный обвинитель и судья [33. С. 135; 34. С. 70].

Литература

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. проф. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 992 с.
2. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М.: Экзамен, 2008. 639 с.
3. Баев О.Я. Основы криминалистики: Курс лекций. М.: Экзамен, 2001. 288 с.
4. Москвин Е.О. Тактический прием. М.: Юрлитинформ, 2006. 88 с.
5. Величкин С.А. Общие положения криминалистической тактики // Криминалистика: Учебник / Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб.: Лань, 2001. С. 418–424.
6. Шиканов В.И. «Оксюморон Белкина» – феномен, который тормозит развитие теории тактических приемов следователя // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства: Сб. статей / Под ред. В.Ф. Воловича. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Ч. 3. С. 115–119.
7. Шиканов В.И. Тактико-криминалистический кентавр влечет негативные последствия для следственной тактики // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия: Материалы научно-практической конференции. Иркутск, 1998. С. 55–58.
8. Белкин Р.С., Лившиц Е.М. Тактика следственных действий. М.: Новый юрист, 1997. 176 с.
9. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. 130 с.
10. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
11. Крестовников О.А. Общая структура практической криминалистической деятельности // Криминалистика: информационные технологии доказывания: Учебник для вузов / Под ред. В.Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007. С. 482–484.
12. Крестовников О.А. Тактика в системе криминалистики // Криминалистика: информационные технологии доказывания: Учебник для вузов / Под ред. В.Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007. С. 449–451.
13. Крестовников О.А. Логико-информационная структура и система следственных действий, приемов, операций // Криминалистика: информационные технологии доказывания: Учебник для вузов / Под ред. В.Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007. С. 458–473.
14. Якушин С.Ю. Актуальные вопросы тактико-криминалистического обеспечения судебного следствия // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики: Материалы конференции: В 2 т. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. Т. 1. С. 321–326.
15. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982. 150 с.
16. Корноухов В.Е. Понятие и классификация средств познания // Курс криминалистики. Общая часть / Отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юрист, 2000. С. 389–673.
17. Эксархопуло А.А. Криминалистика: Учебник. СПб., 2009. 904 с.
18. Шурухов Н.Г. Криминалистика: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2008. 720 с.
19. Филиппов А.Г. Общие положения криминалистической тактики и порядок производства следственных действий // Криминалистика: Учебник / Под ред. А.Г. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2004. С. 194–211.
20. Сычева О.А., Якушин С.Ю. Тактические средства исследования доказательств в суде: понятия и виды // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. Т. 149, кн. 6. С. 290–302.
21. Ушаков О.М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 189 с.
22. Карузина В.В. Тактика использования данных о поведении участников уголовного процесса в ходе следственного действия: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 194 с.

23. Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1975. Т. 20. 607 с.
24. Маевский С.С. Тактика проведения отдельных следственных действий с участием защитника с учетом складывающихся следственных ситуаций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 32 с.
25. Полстовалов О.В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе: Дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2009. 642 с.
26. Полстовалов О.В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. 56 с.
27. Шмонин А.В. Методология криминалистической методики. М.: Юрлитинформ, 2010. 416 с.
28. Малютин М.П. Тактические приемы, их допустимость и использование для достижения тактических целей допроса: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 194 с.
29. Князьков А.С. Криминалистика: Курс лекций / Под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.
30. Коптяева А.В. Противодействие расследованию преступлений, связанных с присвоением прав на владение и управление предприятиями и организациями, и криминалистические средства и методы его преодоления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 19 с.
31. Ищенко Е.П., Егоров Н.Н. Криминалистика для следователей и дознавателей: Научно-практическое пособие / Под общ. ред. А.В. Аничина. М.: Юрид. фирма «КОНТАКТ»: «ИНФРА-М», 2010. 688 с.
32. URL: <http://multitrans.ru/c/m/exe?I1=1&I2=2&=strategy> (дата обращения: 19.03.12 г.).
33. Головин А.Ю. Классификации в криминалистической тактике: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 241 с.
34. Даков С.В. Криминалистическая тактика (Генезис и перспективы развития): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. 177 с.